
Денис Старый
Завет Петра 15
Великий финал

Денис Старый

Завет Петра 15. Великий финал

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 15. Великий финал / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Денис Старый
Завет Петра 15. Великий финал

Название: Завет Петра 15. Великий финал
Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Окраины Вены
8 июля 1727 года

— Для удобства можете говорить со мной по-русски, — неожиданно произнёс Савойский. — Я изучаю ваш язык.

Он подошёл к пленному, некоторое время молча смотрел на него, а затем с силой ударил носком сапога под рёбра. Фон Ротенбург согнулся, захрипел и попытался отвернуться, но связанные руки не позволяли даже прикрыть лицо.

— Ваше высокопревосходительство, — немедленно вмешался Стрельцов, делая шаг вперёд. — Я попросил бы вас пока не калечить этого француза. Нам предстоит обстоятельно с ним поговорить. Полагаю, сведения, которыми он располагает, окажутся чрезвычайно важными и для вас лично, и для всей Священной Римской империи. Возможно, даже для династии Габсбургов. И мы не должны тратить время.

Савойский медленно повернул голову. Ему хотелось ответить грубо, приказать русскому отойти и собственноручно расправиться с человеком, покушавшимся на его жизнь. Однако он сдержался. Перед ним стоял офицер, только что спасший его от смерти, причём сделал это с такой слаженностью и мастерством, что старый полководец невольно испытал восхищение.

А следом пришла зависть. Савойский завидовал царю Петру, фельдмаршалу Матюшкину, Борису Саксонскому и другим русским военачальникам, сумевшим создать подобную армию. Он видел её в сражениях, наблюдал за действиями русских частей и теперь убедился, что даже небольшие специальные группы способны решать задачи, непосильные большинству европейских войск. Особенно неприятным было понимание, что превосходство русских заключалось не только в оружии, но и в подготовке людей, их инициативе и дисциплине.

Фельдмаршал с нетерпением ожидал окончания войны. Он уже решил, что приложит все силы для преобразования имперской армии по русскому образцу. Создаст войска, способные действовать столь же быстро и самостоятельно. И если когда-нибудь обстоятельства вынудят Австрию воевать против царя Петра, это должна быть война равных противников, а не неизбежное поражение, которое ожидало бы имперцев сейчас.

— Что вы хотите за спасение моей жизни? — наконец спросил он сухим, почти безжизненным голосом.

— Мне было приказано, ваше высокопревосходительство, и не только мне, следить за возможными покушениями на вас, — ответил Стрельцов. — Мы предполагали, что подобное может случиться. За службу мне платят достаточно, чтобы я ещё осмелился просить у вас вознаграждения. Прошу не оскорблять меня подобным предложением. Я служу своему отечеству и своему государю верой и правдой.

Получилось несколько пафосно, но Стрельцов действительно так считал. Для него спасение союзного фельдмаршала являлось исполнением приказа, а не личной услугой, за которую следовало требовать награду.

— Пока в России есть такие воины, как вы, Россия не будет побеждена, — произнёс Савойский после непродолжительного молчания. — Тогда примите мою благодарность. Если вам когда-нибудь что-либо понадобится, можете обратиться ко мне напрямую. И я исполню вашу просьбу, если это будет в моих силах.

Между тем русские бойцы уже собирали оружие убитых и захваченных наёмников. На мостовую складывали пистолеты, сабли, ружья, пороховницы и патронные сумки. Среди участников нападения оказались не только французы, но и австрийцы, которых фон Ротенбург сумел

нанять для совершения преступления. Некоторые прежде служили в армии, а потому представляли значительно большую опасность, чем обычные разбойники.

Стрельцов уже собирался пройти мимо сложенного оружия, когда заметил знакомую форму приклада. Он остановился, нагнулся и поднял одну из винтовок. Несколько секунд рассматривал её, затем проверил затвор и магазин. Выражение его лица постепенно менялось. Это была русская винтовка с магазинным питанием, причём новейшего образца, только-только поступившего на вооружение его собственной группы.

— Где нашли? — резко спросил он.

— У стрелков прикрытия, — ответил один из бойцов. — Там ещё две такие имеются. И патроны к ним.

Стрельцов выругался. Появление новейшего русского оружия у французских наёмников означало, что где-то произошла серьёзная утечка. Винтовки могли быть захвачены, похищены или проданы, но выяснить это следовало обязательно. Он приказал собрать всё оружие отдельно, ничего не разбирать и сохранить каждый патрон. Теперь допрос предстоял ещё более обстоятельный, чем предполагалось первоначально.

Сам Стрельцов разрабатывал операцию не самостоятельно. В Вене уже давно действовала разветвлённая русская агентурная сеть, объединявшая чиновников, торговцев, слуг, офицеров и даже представителей высшего общества. О прибытии тайного французского посланника стало известно буквально на следующий день. Однако выяснить содержание его встречи с первым австрийским министром, графом Филиппом Людвигом Венцелем, агентуре не удалось. За этот провал русские разведчики получили серьёзную выволочку.

Пришлось установить за фон Ротенбургом тщательное наблюдение. Его сопровождали сменявшие друг друга группы, проверяли связи, выясняли, кто посещает снимаемые им помещения. Иногда француза намеренно оставляли без слежки, чтобы не вызвать подозрений. Он был человеком опытным, постоянно менял маршруты и пользовался посредниками, поэтому работа продвигалась медленно. Однако постепенно удалось установить, что готовится покушение на Евгения Савойского.

Вот только собственных боевых сил для предотвращения нападения у венской агентуры оказалось недостаточно. Тогда и последовал срочный запрос на прибытие специальной группы. Стрельцов появился в Вене, когда времени почти не оставалось. К счастью, русским удалось не только установить место будущего нападения, но и внедрить своего человека в группу наёмников. Именно он сообщил расположение стрелков прикрытия и предполагаемое время покушения.

Сам внедрённый агент сейчас лежал среди остальных пленников с изрядной шишкой на голове. Во время схватки его не стали выделять из общей массы, чтобы не раскрыть перед французами. В результате русский получил вполне настоящий удар кистенем, после которого долго не мог прийти в себя. Стрельцов, узнав об этом, только поморщился. Впрочем, человек заранее понимал, на что соглашался.

Между прочим, выбор использовать только резиновые пули и кистени, свето-шумовые гранаты, был продиктован в том числе и желанием не затронуть смертельно своего.

Подготовка кареты заняла считаные часы. Внутри установили стальные щиты и дополнительные защитные пластины, прикрыв наиболее уязвимые места. Бойцам подробно объяснили порядок действий, а сопровождающих снабдили специальной защитой. Главная сложность заключалась в том, чтобы нападавшие до последнего момента верили: в экипаже действительно находится фельдмаршал. Любая преждевременная тревога могла сорвать операцию и заставить фон Ротенбурга исчезнуть.

Теперь же наступала самая неприятная часть работы.

Пленных начали допрашивать прямо на дороге. Стрельцов не желал терять время: необходимо было выяснить, кто обеспечивал заговорщиков оружием, имелись ли у них другие

группы и не готовилось ли ещё одно нападение. Захваченных развели в разные стороны, лишив возможности переговариваться. Ответы сравнивали, возвращались к противоречиям, уточняли имена и обстоятельства. Допрос проходил жёстко, с угрозами и применением насилия. Даже Савойский, ещё недавно готовый собственноручно расправиться с организатором покушения, несколько раз поморщился, наблюдая за происходящим.

Особенно неприятной фельдмаршалу показалась холодная деловитость русских. Они не вымещали злость и не наслаждались чужими страданиями. Просто выполняли работу, которую считали необходимой. Впрочем, Стрельцов прекрасно понимал, что полученные таким способом признания необходимо проверять. Один из наёмников, желая прекратить мучения, принялся называть имена людей, которых едва знал. Другой сообщил совершенно неправдоподобную историю о происхождении оружия.

Фон Ротенбурга допрашивали последним. С него сняли одежду, тщательно проверив воротник, швы, пуговицы и все предметы, в которых мог скрываться яд. Подобная предосторожность не была лишней: тайный агент такого уровня вполне мог иметь средство, позволяющее избежать плена. Оставшись обнажённым перед вооружёнными людьми, француз испытывал не только холод, но и унижение. Ещё недавно он распоряжался судьбами других, а теперь сидел на земле со связанными руками, разбитым лицом и совершенно не представлял, что с ним будет дальше.

— Кто приказал убить Евгения Савойского? — спросил Стрельцов по-французски.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — ответил фон Ротенбург, с трудом шевеля распухшими губами.

— Понимаете, — спокойно возразил русский. — И прекрасно знаете, что мы установили вашу личность. Поэтому предлагаю не тратить время на бессмысленное отрицание.

Француз отвернулся. Последовавший допрос оказался для него тяжёлым испытанием. Вопросы следовали один за другим, а всякий раз, когда ответы противоречили уже имевшимся сведениям, Стрельцов возвращался к прежним обстоятельствам. Он не позволял пленному сосредоточиться, требовал немедленных объяснений, и вскоре фон Ротенбург начал путаться даже в собственных показаниях. И БОЛЬ...

— Вы встречались с первым министром Венцелем, — произнёс наконец Стрельцов. — Мы знаем об этом. Он был осведомлён о готовящемся покушении?

Фон Ротенбург поднял голову. На мгновение в его глазах мелькнул настоящий страх. До сих пор он рассчитывал, что русским известно лишь о сегодняшнем нападении, но теперь выяснялось, что их осведомлённость значительно шире.

— Да, — наконец выдавил он усталым, почти безжизненным голосом. — Он знал.

— Знал о самом покушении или участвовал в его подготовке? — немедленно уточнил Стрельцов.

— Я сообщил ему, что Савойский вскоре перестанет мешать нашим планам. Он понял, что это означает, — ответил француз после долгой паузы.

Стрельцов задал ещё несколько вопросов. Из ответов следовало, что часть необходимых сведений поступала через людей, связанных с окружением первого министра. Однако утверждать, будто сам Венцель лично распорядился организовать убийство, было пока невозможно. Это ещё предстояло доказать. Зато сам факт его осведомлённости уже представлял огромную опасность для политического положения империи.

Савойский слушал молча. Лицо его постепенно становилось всё мрачнее. В отличие от русских, он слишком хорошо понимал, какой взрыв может вызвать даже подозрение в причастности первого министра к заговору против главнокомандующего. Особенно сейчас, когда империя находилась в состоянии войны, а её политическое руководство и без того раздирали противоречия.

Стрельцов попытался выяснить происхождение русских винтовок, но здесь фон Ротенбург либо действительно ничего не знал, либо сумел скрыть сведения. Дальнейший разговор следовало продолжать уже в более подходящем месте, где можно будет сопоставить показания с документами и свидетельствами остальных участников заговора.

— Всё, ваше высокопревосходительство. Мы закончили, — произнёс Стрельцов, подойдя к Савойскому. — Теперь он ваш, как и остальные пленники. Но я настоятельно рекомендую сохранить их живыми до окончания следствия. Думаю публичность такого суда может сильно помочь вам.

Фельдмаршал некоторое время молчал, глядя на сидевшего возле колеса француза. В его взгляде не было ни жалости, ни торжества. Только холодная решимость человека, который уже понял, насколько далеко могут зайти последствия сегодняшней ночи.

— Да, я ещё раз благодарю вас, — наконец ответил Савойский.

Затем он резко повернулся к своему адъютанту. Тот немедленно приблизился, вытянувшись перед начальником.

— Мы возвращаемся во дворец. Всех пленных доставить под надёжной охраной. Никому не позволять разговаривать с ними без моего личного разрешения. Поднимите мои полки по тревоге и немедленно соберите офицеров.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! — ответил адъютант, уже поворачиваясь к ожидавшим распоряжений кавалеристам.

Савойский задержал его движением руки. Несколько мгновений старый полководец смотрел на пленного французского агента, затем перевёл взгляд на тёмные силуэты венских домов. Где-то там, за освещёнными окнами дворцов, находились люди, которые могли знать о готовившемся убийстве. Возможно, некоторые из них сейчас спокойно спали, уверенные, что к утру Евгения Савойского уже не будет в живых.

— И ещё, — произнёс фельдмаршал, вновь обращаясь к адъютанту. — Ни один из участников сегодняшнего дела не должен покинуть Вену. Ни француз, ни австриец. Независимо от его положения и связей. Пора наводить в Вене порядок.

Голос его прозвучал негромко, но настолько жёстко, что адъютант поспешил откланяться. Стрельцов же, наблюдая за старым фельдмаршалом, понял: нынешняя ночь для австрийской столицы ещё далеко не закончилась.

***

Финский залив.

10 июля 1727 года.

И всё же я нашёл время, чтобы покататься всей семьёй на новой императорской яхте. Да, было время, когда мы только начинали возрождать флот, который к концу правления Петра Алексеевича изрядно захирел. Тогда у меня не возникало ни желания, ни возможности строить увеселительные суда. Более того, подобное расточительство я считал едва ли не преступлением. И вот теперь мы плывём из Кронштадта в Петергоф на прекрасном корабле, а мне даже кажется, что яхта является совершенно необходимым атрибутом императорской власти. И как мы вообще раньше без неё обходились?

Удивительно, как быстро меняется жизнь. И речь не о самих днях, которые по-прежнему складываются в недели и месяцы, а о том, насколько мы ускорились, научились работать и добиваться результата. Ещё недавно каждая новая военная постройка требовала от государства невероятного напряжения сил, а теперь наши верфи способны создавать не только линейные корабли и фрегаты, но и такие вот произведения корабельного искусства.

Яхта, к слову, получилась действительно великолепной. Строили её по особому проекту, в котором я постарался совместить изящество привычных для этого времени парусных судов с некоторыми достижениями кораблестроения из моей прежней жизни.

Корпус вытянутый, с острым носом и более плавными обводами, чем у большинства современных яхт, благодаря чему корабль уверенно держал ход даже при слабом ветре. Две стройные мачты несли косые паруса, позволявшие идти значительно круче к ветру, чем это удавалось старым придворным судам. Высокую кормовую надстройку, столь любимую прежними кораблестроителями, я приказал убрать, заменив просторной прогулочной палубой с изящными ограждениями.

Внутри разместились удобные каюты, небольшой салон, столовая и даже отдельное помещение для детей. Полированное дерево, светлые панели, большие окна, медные детали — всё выглядело богато, но без той чрезмерной позолоты, которую так любили европейские монархи.

Сейчас яхта легко скользила по водам Финского залива, оставляя за кормой широкую пенную дорожку. Ветер был умеренный, приятный, с характерным солоноватым запахом моря. Слева, за лёгкой голубоватой дымкой, угадывался низкий берег, а впереди уже можно было различить очертания Петергофа. Над водой кружились чайки, временами опускаясь почти к самой поверхности. Солнечные блики разбегались по мелким волнам, заставляя щуриться, и даже Кронштадт, оставшийся позади, выглядел отсюда не суровой военной крепостью, а частью удивительно красивого морского пейзажа.

— Капитан! Покружи неподалеку от Петергофа. Не спеши. Еще три-четыре часа проведем на яхте, – скорее не приказал, а словно бы попросил я капитана.

Вот такое у меня настроение – не имерское, семейное. Раз в полгода имею право.

Семья... тут все близкие, кроме Анны, которая все еще в Стокгольме и собиралась прибыть в Россию в гости в августе.

Елизавета Петровна расположилась под белоснежным зонтиком на изящном кресле французской работы и с подчеркнуто безразличным видом наблюдала за действиями корабельной команды.

Впрочем, я прекрасно видел, что её интересовало отнюдь не управление парусами. Капитан яхты был парень видный: высокий, статный, широкоплечий, с правильными чертами лица и той особенной уверенностью в движениях, которая появляется у человека, привыкшего отдавать приказания и не сомневаться в их исполнении. И, судя по тому, как часто Лиза бросала на него взгляды, молодой моряк произвёл на неё весьма благоприятное впечатление.

Ну пусть любуется. Как там в детской загадке? Висит груша — нельзя скушать. Вся команда, включая офицеров, была строжайше предупреждена о недопустимости каких-либо вольностей в отношении императорских дочерей. И уж тем более никто не смел строить глазки великим княжнам.

Впрочем, касалось это не только дочерей. Я и намёка не потерпел бы на подобное внимание к собственной жене. Хотя Марии Дмитриевне никто ничего объяснять не собирался: все прекрасно знали, кто она и как я к ней отношусь. Что уж поделать, человек я в этом отношении собственник.

Младшая дочь, Наталья Петровна, сидела неподалёку с книгой. Причём, если я правильно разглядел название, читала один из моих экономических трудов.

Вот уж удивительный ребёнок! Иногда мне казалось, что природа решила собрать в ней всё самое лучшее, что только могла предложить. Умная, любознательная, живая, а уж красавица какая растёт! Настолько хороша собой, что я порой в шутку начинал сомневаться, имею ли вообще отношение к её появлению на свет. Глупость, конечно.

Но Наташка действительно становилась удивительно красивой девушкой. Пожалуй, самой красивой из моих детей, хотя Елизавета наверняка скорчила бы обиженную рожицу, услышав подобное заявление. А ее тяга к наукам поражала. Да если бы такая же усидчивость и живой ум были у Петра Алексеевича... Он тоже молодец. Но я же вижу идеал.

Рядом с детской коляской стояла другая Наташа — Алексеевна, моя внучка. Она склонилась над маленьким Мишей и что-то ласково ему рассказывала, а тот отвечал ей на своём младенческом языке, размахивая ручонками и издавая совершенно непонятные звуки.

Девочка воспринимала это как полноценную беседу, отвечала с самым серьёзным видом, а потом вдруг начинала смеяться. Миша, разумеется, немедленно подхватывал веселье. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается то особенное тепло, ради которого, наверное, и стоит жить.

Впрочем, за внучку я немного тревожился. После того как её брат, мой наследник, отправился на войну, девочка заметно изменилась. Она старалась держаться бодро, не жаловалась, занималась обычными делами, но я видел, как часто она задумывается и как быстро исчезает улыбка, стоит кому-нибудь упомянуть армию. Брат был для неё одним из самых близких людей, и теперь она страшно боялась за него. Оставалось надеяться, что война закончится прежде, чем эти переживания окончательно измучают ребёнка.

Я и сам за него переживаю. Но не может быть русский император, не понюхавший пороху. Это пусть к смуте. Время такое нынче. Да и когда военная каста будет знать, что Петр был с ними рядом и воевал, они совсем иначе относится к нему станут. А как ни крути, власть в России, чтобы я не сделал, держится на армии.

Пока. Я изменяю Россию. И она изменяется.

Глава 2

Финский залив.

10 июля 1727 года.

— Что, любовь моя? Самый великий государь? Муж любимый, — раздался за спиной знакомый голос.

Маша подошла незаметно и обняла меня сзади, обхватив мягкими женскими руками. Правда, хватка у неё оказалась такой цепкой, что назвать эту женщину слабой язык бы не повернулся. Я накрыл её ладони своими и улыбнулся, чувствуя, как она прижимается ко мне.

— Да вот, в кои-то веки выбрались всей семьёй немного отдохнуть, — ответил я, не отрывая взгляда от детей.

— Не правда ли, словно от всех дел отреклись в один миг, как только корабль отчалил? — спросила Маша, положив подбородок мне на плечо.

Я даже удивился, насколько точно она описала мои ощущения. Действительно, стоило Кронштадту остаться за кормой, как заботы, донесения, бесконечные бумаги и тревожные известия будто отступили. Не исчезли, конечно, но на несколько часов перестали требовать моего непосредственного участия.

— Да, хоть ненадолго мне удалось меньше думать о делах и больше любоваться вами, — признался я, поворачиваясь к жене.

Маша улыбнулась, и я, не удержавшись, обнял её и поцеловал. Причём вовсе не тем чинным супружеским поцелуем, который полагается демонстрировать на людях, а самым настоящим, страстным. Она сначала удивлённо охнула, потом обняла меня за шею, совершенно забыв, что вокруг находятся матросы, придворные и наши собственные дети.

Идиллия, картина, достойная сюжета какой-нибудь слащавой мыльной оперы из будущего. Но разве это плохо? Наоборот, мне всегда казалось неправильным, когда человек всю жизнь существует лишь в одной ипостаси. Вечно хмурый правитель, вечно суровый полководец, вечно строгий отец. Неужели нельзя быть разным? Любить, смеяться, сердиться, принимать тяжёлые решения и при этом оставаться обычным человеком?

Вот, например, Николай II. Из того, что мне известно, я вовсе не считаю Николая Александровича плохим человеком. Напротив, возможно, он обладал большим сердцем и вполне приличным умом. Однако, как мне кажется, прекрасно справлялся лишь с двумя ролями — мужа и отца. А вот роль государя ему так и не далась.

Мой предшественник, Пётр Великий, которым я сейчас, собственно, и являюсь, — вот такой психологический выверт сознания, — был полной противоположностью. Правитель выдающийся, зато ни хорошим мужем, ни хорошим отцом стать не сумел.

А получается ли у меня совмещать эти, казалось бы, несовместимые вещи? Сейчас, стоя на палубе, обнимая прекрасную жену, которая, между прочим, скорее всего, снова пребывает в тягости, я был почти уверен, что получается. И очень надеялся, что у нас родится девочка. Почему-то именно девочку мне сейчас хотелось больше всего.

— Нет ничего для человека невозможного, если только верить в себя, — неожиданно произнёс я вслух. — Хотя нет, даже важнее не верить, а делать.

— Надо будет обязательно записать это в книжицу твоих мудрых изречений, — деловито заметила Маша, отстраняясь ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза.

— А что, разве такая книга существует? — удивился я.

— У меня существует. И, между прочим, должна принадлежать не только мне, — ответила она с совершенно серьёзным видом. — Подобные мысли достойны стать всеобщим достоянием.

— Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет; он бежит себе в волнах на раздутых парусах, — начал я цитировать по памяти Александра Сергеевича Пушкина, глядя на белеющие над нами паруса.

— Вот и это тоже необходимо издать, — неожиданно сказала Маша, но тут же замялась. — Я, собственно, хотела тебе признаться...

— Что такое, звезда моя? — спросил я, заметив её смущение.

— Я уже отдала в печать некоторые стихи, которые ты мне читал. И сказки, что рассказывал нашим детям, — призналась она, потупив глаза, словно совершила нечто предосудительное.

Я лишь улыбнулся. Ну пусть простят меня все авторы, чьи произведения я знал с детства. Стихи, сказки, проза — многое сохранилось в памяти, и порой я не удерживался от того, чтобы прочитать что-нибудь родным. Иногда даже собирал писарей и диктовал им тексты, не имевшие никакого отношения к государственному управлению. Правда, случалось подобное редко. Большую часть времени занимали дела державы, которую я всё настойчивее стремился превратить в величайшую империю современности, а возможно, и всей истории человечества. Хотя для этого предстояло сделать ещё немало.

— Жаль, что скоро Петергоф и наше путешествие закончится, — вздохнула Маша, посмотрев в сторону приближавшегося берега.

— Он уже близко, но я приказал капитану немного покружить. Три часа точно у нас есть. Не будем проводить из праздно.

— Ты предлагаешь? Я пошла в каюту раздеваться, – сказала игриво жена.

— Вот уж моя ненасытная! – усмехнулся, крепче прижимая Машу к себе. – Нужно было выбирать не старика за пятьдесят лет, а молодого.

— Да разве же они с тобой сравняться? Хоть кто. И я... я... ты живи долго, ладно? – сказала Мария и уткнулась мне в грудь.

— Как Богом уготовано, – ответил я.

Тоже невольно помрачнел. И потому, что вопрос такой себе Маша подняла, ну и что с семьей не получится много времени провести.

На вторую половину дня были назначены многочисленные встречи, а в Петергоф уже везли бумаги, которые предстояло изучить и подписать. Главным же вопросом сегодняшнего совещания должно было стать дальнейшее продолжение войны в Европе. Если удастся добиться согласия всех заинтересованных лиц, предстояло решить, каким образом и когда Россия получит первый действительно незамерзающий порт на Балтийском море.

Кёнигсберг. Вот он-то меня и интересовал. Калининграда в этом времени, разумеется, не будет. Союзный староста дедушка Калинин ещё даже не родился и не успел стать человеком, именем которого станут называть города. Да и вообще большевистская гигантомания с переименованием всего подряд мне никогда особенно не нравилась.

То ли дело – Петербург, Екатеринослав, Екатеринбург, Елизаветград... Нет, гигантомания большевиков не по душе. Лучше же царская скромность?

Но неужели нельзя придумать собственное красивое название? Царицын, например. Или что-нибудь древнеславянское. Петроград? Нет, Петербург у нас уже есть, и переименовывать столицу я не собираюсь. Но Кенигсберг станет Петроградом.

А может, поискать подходящее название среди древних славянских топонимов? Ведь жили же славяне в этих землях, причём задолго до нынешних германских властителей. И уж точно имели к Восточной Пруссии не меньше отношения, чем те, кто теперь называл себя её законными хозяевами. Хотя с подобными историческими обоснованиями нужно быть осторожнее. Если начать делить Европу исключительно по тому, кто где проживал тысячу лет назад, войны никогда не закончатся.

— Да что же это такое! — раздался обиженный голос Марии Дмитриевны. — Ты опять думаешь о делах державных?

Я виновато посмотрел на жену. Она стояла, уперев руки в бока, и смотрела на меня с таким выражением, что я невольно рассмеялся.

— Всё, больше не буду! — торжественно пообещал я. — Пока в Петергоф не придём, ни одной мысли о государственных делах.

— Смотри у меня, — предупредила Маша, но улыбку скрыть не сумела.

— Эй, малышня! — шутливо окликнул я детей, решив немедленно исполнить обещание.

Все повернулись. Только Елизавета фыркнула и едва заметно повела бровью, словно услышала нечто совершенно неприличное.

— Лизка, тебя это тоже касается! — добавил я.

Она посмотрела на меня взглядом, каким, наверное, должен смотреть обиженный подросток, но никак не взрослая женщина, рядом с которой стояла новомодная детская коляска-трость.

В коляске, разумеется, находился мой внук. Впрочем, материнство нисколько не мешало Елизавете украдкой посматривать на капитана яхты. Тот, кажется, уже заметил интерес великой княжны и теперь старательно избегал её взгляда, то скрываясь за спинами матросов, то находя какие-то совершенно неотложные дела в каюте.

— Батюшка, ты звал нас? — ко мне почти подлетела Наталья Петровна, захлопнув книгу.

Следом более чинно и с заметно задумчивым выражением лица подошла Наталья Алексеевна.

— Может, сыграем в коммерцию? — предложил я.

— Ура! Да, давайте! — младшая Наташка даже подпрыгнула и захлопала в ладоши.

Какая же егоза! И какая удивительная девушка подрастает. Именно девушка, потому что назвать девочкой юную особу, которую по местным меркам уже через полтора-два года вполне могли бы выдавать замуж, язык не поворачивался. Да и выглядела она заметно старше своих лет.

— Наталья Алексеевна, а ты присоединишься к нам? — спросил я у внучки.

— Если будет угодно вашему величеству, — ответила она, изобразив безукоризненный реверанс.

— Наташка, брось ты эти манерности! — воскликнул я, подхватывая её на руки и прижимая к себе. — Ну когда же моя внучка поймёт, что дед её любит?

Я взъерошил ей волосы, отчего девочка немедленно завозмущалась.

— Дедушка, ты мне причёску испортишь! — сказала она, пытаясь освободиться.

Но я заметил, как на её лице появилась улыбка. Настоящая, искренняя, без всякой придворной учтивости. И мне стало удивительно хорошо. Значит, не всё потеряно. Значит, сумел я сделать хотя бы что-то по-настоящему важное.

Одной из величайших ошибок Петра Алексеевича стало убийство собственного сына. И даже не только оно, но и последующее отношение к его детям, которые оказались фактически преданы родным дедом. Для меня это было не просто политической ошибкой, а настоящим преступлением. Несомненно великий человек, изменивший Россию, в собственной семье сумел натворить такого, чему трудно найти оправдание. Я же исправил эту ошибку. Как и многие другие. Но именно эта была мне особенно близка, потому что сейчас я держал на руках девочку, которая имела полное право любить своего деда и быть любимой им.

— Ну что, я первый бросаю? — спросил я, усаживаясь за приготовленный матросами стол и засыпая игральные кубики в картонный стаканчик.

К нам присоединилась и Лиза. Конечно, она уже взрослая женщина и мать, но настольные игры, которые я начал внедрять в нашем обществе, оказались удивительно заразитель-

ным увлечением. Настолько, что порой мне даже приходили в голову сравнения с мобильными телефонами и социальными сетями из прежней жизни.

Когда я однажды застал Петра Ивановича Скорнякова с подчинёнными за игрой в коммерцию прямо в министерстве, то даже не сразу понял, как реагировать. Работа стоит, чиновники заняты покупкой заводов, земель и предприятий, а министр совершенно невозмутимо руководит процессом! Впрочем, ушлый и сообразительный Скорняков немедленно объяснил, что они вовсе не развлекаются, а изучают основы хозяйствования, торговли и капиталовложений. И ведь не придерёшься. Коммерция представляла собой несколько переработанную под нынешние реалии «Монополию», а потому действительно могла служить своеобразным учебным пособием.

Пока мы выпустили всего по два десятка экземпляров нескольких игр. Кроме коммерции, мне удалось по памяти воспроизвести пару стратегий. Правда, пришлось обойтись без ведьм, лесных чудищ, зубастых чудовищ и прочих персонажей, которые могли бы вызвать у современников совершенно ненужные вопросы. Всё-таки негоже императору Всероссийскому увлекаться карточками, на которых изображены какие-нибудь клыкастые уродцы. Зато вполне приличную средневековую стратегию создать удалось. Так что сейчас в нашем распоряжении имелись две наиболее популярные игры: «Коммерция» и «Игра престолов».

Высшее общество познакомилось с ними незадолго до моего отъезда в Царьград, бывший тогда ещё Константинополем. А когда я вернулся, выяснилось, что начальников типографий можно смело ставить на крепостные стены. Настолько мужественно и эффективно они отбивались от желающих заказать новые экземпляры! Денег предлагали немало, однако печатники упорно отказывались принимать заказы без моего разрешения. И совершенно напрасно. Я ведь специально приказал следить за тем, какой интерес вызовут новинки.

Теперь, насколько мне известно, появились уже французские, немецкие и английские варианты. Уровень нашего книгопечатания, конечно, заметно вырос, но я не настолько самоуверен, чтобы считать его недосягаемым для типографий Северной Италии или Англии. Перепечатать наши игры европейцы вполне способны. Другое дело, смогут ли они свободно продавать подобные изделия. Итоги нынешней войны покажут, кому и на каких условиях вообще позволят торговать на европейских рынках.

Пока же с англичанами у нас имелась лишь условная, практически ничтожная договорённость о взаимном уважении прав на изобретения. Причём англичане уже успели её нарушить. Мне было известно, что в Ганновере сформирован отдельный стрелковый полк, вооружённый нарезными ружьями и использующий наши конические пули с расширяющимися юбками. И это ещё один вопрос, которым предстояло заняться в ближайшее время.

— Да не делай ты этого, Лиза! — чуть ли не плакала Маша, хотя я прекрасно видел, что всё это притворство. — Продай мне медеплавильный завод. Как же я без него?

— Где же это видано, Мария Дмитриевна, чтобы подобные предприятия просто так продавали? — деловито возразила Елизавета. — Смею заметить, у вас имеется золотой прииск в Миассе. Можем обменяться.

— Ну уж нет! — мгновенно переменила настроение жена. — Я тебе на дурочку похожа, по-твоему?

Все расхохотались. Наташка хлопала в ладоши, внучка улыбалась, а Лиза с самым серьёзным видом принялась доказывать, что медеплавильный завод куда выгоднее золотого прииска. Маша возражала, я подначивал обеих, и даже маленький Миша, услышав общий смех, начал радостно агукать из коляски. Вот такой и должна быть семья. Без придворных церемоний, без постоянных поклонов, без страха сказать лишнее слово. Просто люди, которым хорошо вместе.

Я смотрел на них и думал, что никакие победы, никакие завоевания и никакое величие державы не смогут заменить мне этих минут. Можно построить флот, разгромить армии, изменить границы государств, но если дома тебя никто не ждёт, всё это в конечном счёте теряет

значительную часть смысла. А у меня были они. Маша, дети, внуки. И ради того, чтобы они могли вот так смеяться, пожалуй, стоило терпеть все остальные неприятности царствования.

Тем временем яхта приближалась к Петергофу. Уже отчётливо виднелись береговые постройки, зелень садов и дворцовые здания, поднимавшиеся над деревьями. Матросы готовились убирать паруса, на палубе появились офицеры, а капитан, до того успешно скрывавшийся от взглядов Елизаветы, наконец вышел к штурвалу. Лиза немедленно оживилась, что не укрылось от моего внимания. Впрочем, вмешиваться я не стал. У каждого возраста свои радости и заботы.

Настроение у всех постепенно становилось грустнее. Мы понимали, что путешествие заканчивается и вскоре каждому придётся вернуться к собственным делам. У обеих Наташ предстояли уроки французского и голландского языков, а затем занятия по ведению хозяйства. У Маши были назначены встречи по вопросам благотворительности и помощи армии и флоту. Она как раз собиралась преобразовать существующий фонд в новую организацию, устав которой удивительно напоминал мне общество Красного Креста. Я даже предложил назвать его именно так, хотя жена пока не решила, подходит ли подобное название.

Ну а меня ожидало совещание с руководителями силовых ведомств. Предстояло обсудить продолжение войны, положение наших армий в Европе и ещё десятки вопросов, от которых зависело будущее государства. Но сейчас, пока яхта медленно подходила к пристани, я старался не думать обо всём этом. Обнял Машу за плечи, посмотрел на детей и ещё раз полюбовался Финским заливом, раскинувшимся за кормой.

А потом всё-таки не удержался и мысленно перенёсся в будущее. Интересно, будут ли лет через десять-пятнадцать ездить по Петербургу, Москве и другим городам России кареты с надписями вроде «Спасибо деду за победу»? А может, появится и что-нибудь другое, например с упоминанием русского Берлина? В конце концов, если уж менять историю, то почему бы не сделать так, чтобы потомки вспоминали нас добрым словом?

Хотя нет. Сейчас я хотел, чтобы меня вспоминали не потомки, а вот эти самые люди, сидевшие рядом со мной. И не как великого государя или победоносного полководца, а просто как мужа, отца и деда, с которым однажды они прекрасно провели несколько часов на яхте, плывшей по Финскому заливу.

Но вот уже и Петергоф. И меня встречают военные, тут же Бестужев и канцлер. Продолжим работу.

И кто сказал, что нам, царям легко? Рабочий день у нас ненормированный!

Глава 3

Окрестности Стасбурга
15 июля 1727 года

— Господа, нас ждут великие дела! — такими словами фельдмаршал Борис Августович Саксонский ворвался в большой шатёр, отданный под нужды штаба объединённой русско-австрийской армии.

Он остановился у входа, окинул присутствующих весёлым взглядом и, не дожидаясь, пока офицеры окончательно поднимутся со своих мест, решительно направился к большому столу, на котором были разложены карты Эльзаса с расставленными на них солдатиками и флажками.

Высокий, широкоплечий, с выразительным лицом и живыми глазами, он совершенно не походил сейчас на человека, которому предстояло командовать шестьюдесятью двумя тысячами солдат в одном из важнейших сражений нынешней войны. Скорее уж напоминал хозяина богатого имения, собравшего соседей для весёлой охоты. И, как водится, пьянки после оной.

Даже фельдмаршальский жезл, недавно доставленный ему из Петербурга, он держал с какой-то нарочитой небрежностью, словно это была обычная трость. Хотя не положил в ларец, походный сундук... Всегда в руках.

— Сорок пять лет тому назад французы отторгли от Священной Римской империи сей славный город! — продолжил Саксонский, остановившись перед картой Страсбурга. — Вероломно отторгли, воспользовавшись тем, что истинные христиане, достойнейшие из католиков, в ту пору сражались с османскими полчищами, защищая Вену и всю Европу! Так не настал ли ныне час возвратить похищенное?

Окинул взглядом всех присутствующих, заострив внимание на австрийцах. Прониклись ли те? Пора ли окатить холодной водой?

— Но что же России, которая проливает кровь тут? А нам все трофеи. Вот так, иначе и нельзя. Ну не забирать же, право слово, Страсбруг русскому императору? Или забирать?

Лица австрийцев были такими... смешными. Они выпучили глаза, стали переглядываться друг с другом в недоумении.

— Есть вопросы по трофеям? Тем паче, что я отдал вам, чтобы сплотить ваши разгромленные французским маршалом Вилларом, полки, немало чего: и лошадей и телег и порох и свинец... Штуцеры. Так что вопрос с трофеями закрыт, – Борис Августович ударил по столу ладонью.

Он широко улыбнулся, словно уже видел, как над городскими укреплениями поднимаются имперские знамёна, а многочисленные телеги везут огромное число трофеев.

Несколько австрийских офицеров невольно переглянулись. Для них подобные речи звучали почти невероятно. Ещё совсем недавно французская армия казалась силой, с которой невозможно справиться без огромного напряжения всех возможностей монархии Габсбургов. Теперь же русский фельдмаршал рассуждал о возвращении Страсбурга с такой лёгкостью, будто собирался забрать у нерадивого соседа неправомерно присвоенный участок земли.

Борис Августович вообще был человеком весьма необычным. Временами его поведение производило впечатление почти легкомысленного, а порой и откровенно безрассудного. Он мог шутить в присутствии генералов, разговаривать с простыми солдатами, смеяться над собственными неудачами и внезапно принимать решения, которые казались окружающим совершенно необъяснимыми.

Но стоило делу дойти до настоящего сражения, или к наведению порядка в армии, как весёлость исчезала, уступая место холодному расчёту, железной воле и поразительной способ-

ности видеть происходящее на поле боя целиком. Причём Саксонский никогда не стеснялся пользоваться чужими знаниями. Он внимательно слушал офицеров, требовал подробных донесений, сопоставлял сведения разведки и лишь после этого принимал решение.

Французы, потерпевшие поражение при Берг-оп-Зоме, предпочитали объяснять случившееся исключительно техническим превосходством русских. Особенное негодование вызывали новые артиллерийские системы, ракеты и стрелковое оружие, против которого привычные европейские построения оказывались недостаточно эффективными.

Доставалось и маршалу Виллару, на которого теперь пытались возложить едва ли не всю ответственность за разгром. Но люди, имевшие возможность наблюдать русскую армию в походе, прекрасно понимали, насколько ошибочны подобные рассуждения. Дело заключалось не только в оружии. Русские научились быстро передвигаться, организованно снабжать войска, поддерживать связь между частями и, самое главное, действовать согласованно даже в чрезвычайно сложной обстановке.

Саксонский знал это лучше многих. Он видел, как русские войска воевали со шведами и турками, наблюдал их стремительные марши, умел использовать преимущества новой системы управления. Теперь же ему предстояло сделать нечто ещё более сложное: заставить австрийские части, недавно потерпевшие тяжёлое поражение, действовать по тем же правилам. И если это удастся, то нынешняя кампания вполне могла стать началом совершенно новой истории императорской армии.

— Полковник Гауф! — обратился он по-немецки к стоявшему возле карты офицеру. — Все ли мероприятия, предписанные моим штабом, исполнены в назначенный срок?

Фридрих Амадей Гауф немедленно выпрямился. Это был сухощавый мужчина лет сорока, с аккуратно подстриженными усами и внимательными серыми глазами.

Его мундир не отличался особенным богатством, зато сидел безупречно, а сапоги, несмотря на походную грязь, были тщательно вычищены. Гауф происходил из небогатого дворянского семейства, начинал службу младшим офицером и за долгие годы привык добиваться всего собственным трудом. Именно поэтому назначение командующим целым австрийским корпусом стало для него одновременно величайшей честью и тяжёлым испытанием. Ну и он обошел в этом многих австрийских генералов.

— Так точно, господин фельдмаршал! — ответил полковник, положив ладонь на край стола. — Все предписания исполнены. Батальоны сведены в новые походные колонны, артиллерия распределена по дивизиям, обозы приведены в порядок. Последнее учение показало, что войска способны перестраиваться по установленным сигналам.

— А сопротивление со стороны высших чинов встречали? — поинтересовался Саксонский, переводя взгляд на двух австрийских генералов, стоявших неподалёку.

Генерал-фельдмаршал-лейтенант граф Леопольд фон Кёнигсэгг и генерал-майор барон Иоганн фон Траун заметно напряглись. Оба были опытными офицерами, прослужившими императорскому дому многие годы, и оба считали своё нынешнее положение унизительным.

Командовать австрийскими солдатами назначили какого-то полковника, тогда как им, генералам, оставалось присутствовать на совещаниях и наблюдать, как чужеземцы перестраивают привычную армейскую систему. Особенно болезненным это казалось после того, как выяснилось, что решение Саксонского полностью поддерживает принц Евгений Савойский.

Приказ из Вены доставил курьер, загнавший по дороге трёх лошадей. Измученный, покрытый дорожной пылью офицер едва держался в седле, когда прибыл в русский лагерь. Однако привезённая им бумага не оставляла возможности для двусмысленного толкования. Все разрозненные австрийские части на западной границе Священной Римской империи должны были поступить под начало русского командования. Более того, принц Евгений прямо предписывал своим генералам оказывать Саксонскому всяческое содействие и не препятствовать проводимым им преобразованиям.

Борис Августович прекрасно понимал, что одного приказа недостаточно. Австрийские генералы могли подчиниться формально, но при этом сделать всё, чтобы новая система не заработала. Поэтому он действовал решительно.

После получасового разговора, во время которого выяснилось, что оба генерала гораздо больше озабочены вопросами собственного старшинства, нежели состоянием войск, командование корпусом было передано Гауфу. Сам Саксонский предварительно посоветовался с армейским комиссаром и несколькими русскими офицерами, хорошо узнавшими полковника. Все они единодушно подтвердили, что именно этот человек способен привести разрозненные части в порядок.

В Вену немедленно отправили три одинаковых донесения разными дорогами. Саксонский просил принца Евгения и императрицу Марию Терезию произвести Гауфа хотя бы в генерал-майоры, чтобы привести чин офицера в соответствие с занимаемой должностью. Одновременно сообщалось о причинах отстранения прежнего командования и первых результатах проведённой реорганизации. Посыльных направили с интервалом в несколько часов, поскольку дороги оставались небезопасными, а французские разъезды и местные сторонники Людовика XV регулярно перехватывали корреспонденцию.

— Господин командующий, — начал Гауф, заметив недовольные взгляды генералов, — дозволено ли мне сказать несколько слов в защиту моих прежних начальников? Их заслуги перед императорским домом...

Саксонский поднял руку, останавливая полковника.

— Я нисколько не умаляю заслуг австрийского генералитета, — произнёс он, и от прежней весёлости в его голосе не осталось даже следа. — Но если у господ генералов имеются возражения против проведённых мероприятий, я готов их выслушать. Прошу только говорить по существу, приводить доводы и примеры. Истерики людей, уязвлённых в своём самолюбии, меня совершенно не интересуют.

В шатре повисла неприятная тишина. Кёнигсэгг медленно побагровел, а фон Траун отвернулся к карте, делая вид, будто внимательно изучает расположение французских укреплений. Оба прекрасно понимали, что Саксонский прав хотя бы в одном: их войска потерпели поражение, рассыпались на отдельные отряды и лишь благодаря русским вновь превратились в боеспособный корпус. Признать это вслух было трудно, особенно людям, привыкшим считать себя представителями одной из старейших военных держав Европы.

Австрийские части собирали едва ли не по всей западной границе империи. Одни батальоны отходили из Австрийских Нидерландов, другие находились возле Эльзаса, третьи вообще потеряли связь с прежними начальниками. Солдаты были измотаны, обозы перепутаны, офицеры не всегда знали точное число людей в собственных ротах.

Саксонскому пришлось практически вручную восстанавливать управление корпусом. Ему помогали русские генералы, офицеры генерального штаба и несколько австрийских полковников, уже прошедших обучение по новой системе.

Не проходило ни одного бивака, на котором не устраивались бы занятия. Русские разбирали ошибки при движении колонн, показывали способы развёртывания артиллерии, учили пользоваться сигнальными флагами и условными знаками. Даже во время стремительных переходов находили несколько часов, чтобы отработать взаимодействие пехоты с кавалерией. Особенное внимание уделяли командирам рот и батальонов, поскольку именно от них зависело, насколько быстро приказ штаба превратится в действие. Солдаты поначалу ворчали, но постепенно начинали понимать, что новые порядки действительно облегчают службу.

Австрийцам передали и значительное количество трофейных французских винтовок. Французские стрелки уже использовали конусные пули с расширяющимися юбками, созданные по русским образцам, и теперь это оружие досталось противникам Людовика XV. Разумеется, винтовок не хватало на всех, однако лучшие стрелки австрийских батальонов получили

возможность существенно увеличить дальность и точность огня. Саксонский рассчитывал, что в предстоящем сражении они сумеют хотя бы частично компенсировать недостаток боевого опыта.

Теперь объединённая армия насчитывала шестьдесят две тысячи штыков, не считая иррегулярной кавалерии — башкир, калмыков и казаков. Это была уже достаточно серьёзная сила, чтобы попытаться вернуть Страсбург. Но командующий прекрасно понимал, что численное превосходство само по себе ничего не гарантирует. Французы имели хорошо подготовленные позиции, мощную крепость за спиной и опытных офицеров, которые после недавнего поражения наверняка сделали соответствующие выводы.

Возвращение Страсбурга не было самоцелью. Сильно ослаблять Францию Россия не намерена. Так, лишь в некоторой степени, чтобы французы имели возможность биться постоянно с австрийцами на земли, но ни одна сторона выигрывать не должна. Страсбург нужен, чтобы окончательно принудить Францию к миру. Именно так и назывались все действия русских, которые хотели идеологически подогнать положение дел в систему.

— Итак, господа, — продолжил Саксонский, подходя к карте. — Французы стянули свои разрозненные части к Страсбургу. Вторая их армия располагается значительно южнее и не успевает подойти, если мы дадим сражение в ближайшие дни. Каковы будут действия неприятеля?

— Полагаю, господин фельдмаршал, они примут бой в поле, опираясь на крепостные укрепления, — первым ответил генерал-лейтенант Вильям Вильямович Фермор. — В самом Страсбурге разместить все войска невозможно без выселения значительной части жителей. Кроме того, французам потребуется пространство для действий кавалерии и артиллерии. Они будут рассчитывать на это. Ну и рассредоточение сил неприятеля можно предполагать, если они учтут опыт битвы под Бер-ап-Зоме.

Саксонский с некоторым удивлением посмотрел на генерала. Ещё недавно Фермора вряд ли пригласили бы на подобное совещание для обсуждения тактики. При всей своей добросовестности тот отличался чрезмерной осторожностью и редко проявлял инициативу. Во время Перекопской кампании и последующей войны со Швецией ему неоднократно поручали второстепенные задачи, поскольку командование не решалось доверить ему самостоятельные действия в сложной обстановке.

Однако двухмесячная переподготовка при генеральном штабе неожиданно раскрыла сильные стороны этого человека. Василий Иванович Суворов, руководивший обучением, быстро заметил, что Фермор обладает редкой способностью работать с огромными объёмами сведений.

Он прекрасно запоминал цифры, умел организовывать снабжение, тщательно проверял отчёты и требовал такого же отношения к делу от подчинённых. В результате все интендантские службы объединённой армии оказались под его руководством. И хотя проблемы сохранялись, особенно из-за растянутых коммуникаций и почти прерванной связи с Россией, армия не голодала. Более того, за три дня до предполагаемого сражения Фермор распорядился увеличить продовольственное довольствие почти в полтора раза, понимая, что солдатам потребуются силы.

— Не могу с вами не согласиться, Вильям Вильямович, — одобрительно произнёс Саксонский. — Более того, благодаря нашим разведчикам мы уже располагаем сведениями о намерениях французского командования. И ваши предположения в основном подтверждаются.

Он сделал небольшую паузу и удовлетворённо кивнул армейскому комиссару, сидевшему у дальнего края стола. Тот едва заметно улыбнулся, поправил очки и вновь склонился над бумагами. Работа разведывательной службы действительно заслуживала похвалы.

Французских офицеров и курьеров регулярно захватывали русские диверсионные группы, действовавшие далеко за линией фронта. Благодаря этому штаб Саксонского знал не

только численность неприятельских частей, но и многие подробности их снабжения, настроения командиров и даже содержание некоторых приказов.

— Наш враг тоже учится, господа, — продолжил фельдмаршал. — Я не знаю, что именно творится сейчас под Прагой, но донесения оттуда заставляют задуматься. Русские войска уже несколько недель перемалывают цвет прусской армии, однако город до сих пор не взят. И это при том, что наши средства поражения превосходят неприятельские. Следовательно, недооценивать французов мы не имеем права. Они должны следить за войной и учиться. Если ворвёмся в Страсбург, они окажутся в положении ещё худшем, нежели пруссаки. Или нет... Но прежде нужно разбить их полевую армию.

Гауф внимательно слушал, время от времени делая пометки на небольшом листке бумаги. Он уже хотел задать вопрос, но наткнулся на откровенно враждебный взгляд фон Трауна и промолчал. Австрийские генералы продолжали считать его выскочкой, хотя все распоряжения из Вены подтверждали полномочия Саксонского. Один из прежних командиров вообще покинул расположение войск и отправился в столицу, демонстративно отказавшись подчиняться русскому фельдмаршалу.

Однако этот поступок не произвёл ожидаемого впечатления. Напротив, принц Евгений распорядился начать разбирательство, а оставшимся генералам вновь напомнили о необходимости беспрекословного исполнения приказов.

— После предыдущего сражения у нас осталось всего триста ракет, — произнёс Саксонский, указывая на французские позиции. — Если ударить ими по одному участку, где неприятель сосредоточит значительные силы, результат будет весьма ощутимым. Но затем придётся рассчитывать на обычную артиллерию, стрелков и пехоту. Поэтому я не желаю слышать рассуждений о том, будто победа уже лежит у нас в кармане.

Совещание продолжалось ещё больше часа. Обсуждали расположение артиллерии, порядок выдвижения пехотных колонн, действия кавалерии на флангах. Саксонский особенно настаивал на том, чтобы австрийцы приняли участие в первой волне атаки. Это решение имело не только военный, но и политический смысл. После недавнего разгрома австрийским солдатам необходимо было вернуть уверенность в собственных силах, а офицерам — доказать, что они способны сражаться наравне с русскими.

Впрочем, долго убеждать Гауфа не пришлось. Полковник сам предложил поставить свои лучшие батальоны на наиболее ответственных направлениях. Его солдаты уже знали, что именно им предстоит первыми вступить в бой, и, вопреки опасениям некоторых генералов, восприняли это известие с воодушевлением. Никому не хотелось оставаться в памяти союзников людьми, которых однажды разбили французы и которых теперь приходится постоянно прикрывать русскими штыками.

Русская армия должна была двигаться во второй волне. Когда неприятель втянется в тяжёлое сражение, а австрийцы свяжут его основные силы, Саксонский намеревался нанести решающий удар. При этом командующий не строил иллюзий относительно неизменности собственного плана. Он слишком хорошо знал, что даже самые тщательно продуманные решения способны рухнуть после первого же неожиданного действия противника.

— Помните, господа, — произнёс он, обводя присутствующих строгим взглядом, — лучший план стоит ровно столько, сколько стоит способность командира изменить его в нужную минуту. Следите за сигналами наблюдательных аэростатов, поддерживайте связь со штабом, не теряйте соседей из виду. И внушите своим офицерам, что самовольное наступление без приказа может погубить не только их батальон, но и всю армию.

Он взял со стола стакан свежевыжатого яблочного сока и сделал несколько глотков. В последнее время Саксонский пристрастился к этому напитку настолько, что даже в походе требовал ежедневно доставлять свежие яблоки. Причины подобной прихоти не понимал никто, включая самого фельдмаршала. Возможно, организм просто требовал чего-то кислого после

бесконечных армейских обедов и ужинов. Как бы то ни было, сок неизменно улучшал ему настроение.

Поставив стакан, Борис Августович неожиданно улыбнулся.

— А теперь, господа, открою вам причину моего весёлого расположения духа, с которым я явился на нынешний совет. В моём личном шатре находится посланник короля Людовика Пятнадцатого.

По собравшимся прокатился негромкий гул. Даже австрийские генералы невольно подались вперёд. Французский посланник в русском лагере, да ещё накануне решающего сражения, означал, что неприятель начал всерьёз опасаться дальнейшего развития событий.

— Французы предлагают нам сепаратное соглашение, — продолжил Саксонский, явно наслаждаясь произведённым впечатлением. — Поначалу пытались требовать, но теперь уже просят, чтобы мы оказали влияние на союзников. Их величество Людовик желает, чтобы императрица Мария Терезия признала прежнее положение дел и отказалась от дальнейших притязаний.

— И что же вы ответили? — резко спросил Кёнигсэгг, забыв о необходимости соблюдать военную субординацию.

— Вы не вправе вести подобные переговоры без согласия нашего правительства! — поддержал его фон Траун, нервно поправляя воротник мундира. — Это исключительное право венского двора!

Саксонский несколько секунд смотрел на обоих, затем совершенно спокойно улыбнулся.

— Безусловно, господа. Посему я не стал заключать никаких соглашений. Я лишь выслушал посланника, после чего послал его к чёрту.

Гауф не удержался от короткого смешка, но немедленно замолчал под уничтожающим взглядом старших генералов. Сам же Саксонский, словно не замечая напряжения, продолжил:

— Я также сообщил французскому посланнику, что его король глубоко заблуждается, считая австрийскую армию неспособной к сопротивлению. И что завтра именно австрийские войска, под командованием полковника Гауфа, докажут, насколько ошибочны подобные представления.

— Не смейте так отзываться о нашем отечестве! — почти выкрикнул фон Траун, побагровев от возмущения.

Фельдмаршал медленно повернул голову.

— Генерал, вы отстранены от участия в предстоящем сражении, — произнёс он без малейшего повышения голоса. — Немедленно сдайте полномочия и покиньте штаб.

— Но я... — начал было австриец, не веря услышанному.

— Вы свободны, — повторил Саксонский и сделал короткий знак офицерам личной охраны.

Два рослых гренадера подошли к генералу и вежливо предложили проводить его к выходу. Фон Траун некоторое время стоял неподвижно, затем резко развернулся и покинул шатёр, едва не задев плечом одного из солдат. Кёнигсэгг проводил товарища тяжёлым взглядом, но промолчал. Он уже понял, что русский фельдмаршал не собирается терпеть публичного неповиновения, особенно накануне сражения.

Саксонский некоторое время смотрел вслед удалившемуся генералу, затем вновь повернулся к собравшимся. Его лицо опять озарила прежняя улыбка, словно ничего особенного не произошло.

— Итак, господа, — произнёс он, положив ладони на карту. — Нас ждут великие дела!

От автора:Новая книга: Попаданец. МУР. 1922 год.Он проработал в МУРе 23 года, дослужившись до генерала. После смерти очнулся в теле девятнадцатилетнего парнишки в 1922 году. https://author.today/work/671327

Глава 4

Прага.
15 июля 1727 года.

Корней Чеботарь был сам не свой. Да и как сохранять хладнокровие, даже в общении с таким важным человеком, как этот подросток, если сражение за Прагу уже грозило стать еще более сложным непрекращающимся ни на минуту боем.

Прага и город больший значительно, чем Белград и улочек тут много, река, мосты... Сложно, очень сложно. Но ведь относительно невеликие силы русских, ополчения Праги, один единственный австрийский полк и подоспевшее подкрепление из сербов, которые участвовали в сражении за Белград. Эта горстка в сравнении с мощным большим воинством прусского короля не уступала, постепенно и методично перемалывала войско державы, которая претендовала стать великой и пестовала свою армию.

И если бы поставили задачу – быстро освободить Прагу от пруссаков, то она непременно была бы решена. Большими жертвами. А пока что Чеботарь считал каждого солдата, совершенствовал тактику уличных боев. И то, что этот поручик, стоящий и смотрящий прямо в глаза генералу, не стушевавшегося под его напором, не следует правилам и установленному порядку войны, взбесило Корнея.

— Господин поручик, если вы ещё раз поведёте своих солдат в подобную безрассудную атаку, я немедленно отстраню вас от командования и отправлю обратно в Санкт-Петербург! — Корней Чеботарь стоял перед молодым офицером, широко расставив ноги, и смотрел на него с таким выражением лица, словно едва сдерживался, чтобы не схватить за воротник мундира.

Ему хотелось высечь этого мальчишку розгами. Не просто наказать, а всыпать как следует, чтобы тот на всю оставшуюся жизнь запомнил, чем заканчивается самовольное наступление на укреплённые позиции неприятеля. Но подобное желание следовало держать настолько глубоко внутри себя, чтобы о нём не догадались даже самые близкие люди.

Ибо... перед ним стоял не обычный поручик, а наследник российского престола Пётр Алексеевич Романов. Внук государя, будущий император, мальчишка, от жизни которого в значительной степени зависело спокойствие всей державы.

Впрочем, сейчас Чеботарь меньше всего думал о высоком происхождении своего подчинённого. Перед глазами всё ещё стояла картина недавнего боя: узкая пражская улица, заваленная кирпичами и обломками мебели, плотный прусский огонь из окон домов, солдаты, падающие на мостовую. И впереди всех — молодой поручик, с обнажённой шпагой бросающийся навстречу неприятелю. Ещё несколько минут, и наследника пришлось бы выносить из боя на носилках. Если вообще удалось бы вынести.

Но это одно – пусть и самое ужасное. Но ведь атака на подготовленные позиции пруссаков оказалась кровавой. До четырех десятков бойцов в ней полегло и пришло спешно посылать ограниченные и без того резервы, чтобы немцы, на самом деле приспосабливающиеся и грамотно воюющие, не оценили диспозицию и не пошли на прорыв. Он мог у них получиться.

— И тогда, вы – ваши действия – привели бы к потери целого важного для боя квартала. Мы бы подставлялись на удар по другой улице и вынуждены были бы выравнивать оборону и уходить, – почти кричал Чеботарь.

— Не смейте! — неожиданно вмешался Василий Иванович Суворов, до этого молча наблюдавший за разговором. — Вы говорите с наследником престола Российской империи!

Чеботарь медленно повернулся к генералу. Настолько медленно, что находившийся рядом адъютант невольно сделал шаг назад.

Корней прекрасно уважал Суворова, считая его одним из самых толковых военачальников русской армии. Не боевых, а как военного администратора и снабженца, что порой еще важнее. Не может блистать генерал на поле боя, если не выполнили свою работу вот такие, остававшиеся в тени, но создающие победы, военные специалисты.

Именно Василий Иванович сумел доставить в Прагу новую партию современного оружия, пробившись через дороги, на которых прусские разъезды уже не раз уничтожали русские обозы. Однако сейчас даже это обстоятельство не могло заставить Чеботаря отказаться от собственных слов.

— Василий Иванович, господин Суворов, — произнёс он подчеркнуто вежливо, — я сейчас говорю с поручиком, который повёл роту солдат прямо на прусские штыки. Без надлежащей подготовки, без согласования с соседями и без поддержки артиллерии. Если бы стрелки с соседнего участка не сумели вовремя подавить неприятельские огневые точки, вы бы сейчас не видели перед собой наследника российского престола. И пока на этом молодом человеке офицерские погоны, пока он командует людьми, я намерен спрашивать с него так же, как с любого другого поручика.

Суворов нахмурился, однако отвечать не стал. Он и сам прекрасно понимал, что Чеботарь прав. Более того, именно такое отношение к службе неоднократно требовал государь, отправляя внука в действующую армию. Но одно дело — рассуждать о необходимости воспитания наследника, и совсем другое — наблюдать, как какой-то командир публично распекает будущего императора. Даже если этот командир имеет на то все основания.

Корней же продолжал, постепенно успокаиваясь:

— Вы должны понять, поручик: пруссаки удивительно быстро нашли противоядие против нашей тактики городского боя. Они научились обороняться. Теперь каждая улица достаётся нам с огромным трудом. И чтобы уменьшить собственные потери, каждая атака готовится тщательно, с разведкой, артиллерийской поддержкой и согласованием действий соседних подразделений. Самовольные действия здесь недопустимы, сколь бы благородными побуждениями они ни объяснялись.

Он подошёл к столу, на котором лежала подробная карта Праги, и ткнул пальцем в один из кварталов. Красным карандашом здесь были обозначены русские позиции, синим — прусские. Между ними оставалась узкая полоса улиц, на которых почти ежедневно происходили ожесточённые столкновения. В некоторых местах противников разделяли всего несколько домов, и солдаты могли слышать голоса друг друга через проломы в стенах.

Прага действительно превратилась в адский город. Днём и ночью здесь гремели выстрелы, взрывались пороховые заряды, рушились здания, горели склады и жилые дома. Дым настолько пропитал воздух, что даже в ясную погоду солнце казалось тусклым красноватым пятном. Улицы были завалены кирпичами, разбитыми повозками, мебелью, брошенным оружием и телами погибших. В некоторых кварталах жители давно покинули дома, в других продолжали прятаться в подвалах, надеясь переждать сражение. Но война не собиралась щадить никого.

— Мы не можем оставить город? Такие трудности, – спросил цесаревич, проявляя неподдельный интерес и не заботясь о том, что только что его отчитывали.

— Нет... Мы даем время для австрийцев собрать в кулак свои силы. Мы перемалываем, как жернова зерно, прусскую армию. Король Пруссии мог бы просто... Собраться и обойти город, выйти на венскую дорогу и уже через несколько дней стоять под Веной. Получилось бы ее так защищать? Нет. Не было базы, с которого можно подпитывать оборону. И пока такие базы Савойский создает, мы тут, – сказал Чеботарь и выдохнул.

Суворов посмотрел на своего приятеля... Никогда не думал, что бывший не весть кто, какой-то то ли казак, то ли и вовсе разбойник, что Чеботарь превратится в такого грамотного генерала. Так просто и по полочкам разложил имеющиеся расклады!

И Корней был прав. Пруссаки оказались в тяжёлом положении. Король Фридрих Вильгельм, понимая, что потеря Праги откроет русским дорогу в глубь его владений, перестал считаться с потерями. Сначала он бросал войска в отчаянные контратаки, пытаясь отбить утраченные кварталы. Затем, убедившись в бесплодности подобных действий, приказал организовать оборону по новым правилам. На улицах появились баррикады, в домах пробивали бойницы, перекрёстки простреливались несколькими орудиями одновременно. Особенное внимание уделялось мостам и узким проходам, через которые русские могли перебрасывать подкрепления.

Прусские инженеры быстро научились использовать городскую застройку. Дома соединяли проходами через подвалы, во внутренних дворах устраивали запасные позиции, а на чердаках размещали стрелков. Иногда целый квартал превращался в одну большую крепость, которую приходилось брать последовательно, дом за домом.

Русские диверсанты регулярно проникали в неприятельский тыл, взрывали склады, уничтожали командные пункты и наводили ужас на гарнизоны. Но численное превосходство оставалось за пруссаками, которые могли позволить себе терять людей там, где русские вынуждены были беречь каждого солдата.

Особенно раздражало Чеботаря поведение австрийцев. Это он прилюдно, в таком обществе о них отзывался нейтрально. Но при своих доверенных людях... Знали бы австрийцы, какими отборными матами и проклятиями сыпал Корней на “союзников”.

Их войска сосредоточились на венском тракте, примерно в двадцати пяти — тридцати верстах восточнее города, однако вступать в сражение не спешили. Командование ссылалось на необходимость завершить перегруппировку, подтянуть артиллерию, обеспечить снабжение. В результате русские продолжали вести тяжелейшие городские бои практически самостоятельно, а пруссаки получали возможность перебрасывать против них всё новые части.

— Я принял вашу науку, господин командующий, — наконец произнёс Пётр Алексеевич, поднимая глаза на Чеботаря.

В голосе молодого поручика прозвучало столько сдержанной ненависти, что Корней невольно насторожился. Наследник стоял прямо, сжав кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев. На его лице ещё сохранялись следы недавнего боя: ссадина на скуле, запёкшаяся кровь возле виска, пыль на воротнике мундира. Ему было всего двенадцать лет, но он отчаянно старался выглядеть взрослым. И именно это стремление нередко толкало его на поступки, которые опытные офицеры считали откровенно безрассудными.

— Ваше императорское высочество, — уже значительно мягче произнёс Чеботарь, — пока вы носите этот мундир, вы обязаны ему соответствовать. Я отвечаю здесь за жизнь каждого солдата и офицера. За вашу жизнь — тоже. И не позволю вам рисковать ею ради того, чтобы доказать собственную храбрость.

— Похвально ваше рвение, — сквозь зубы ответил подросток, заставив себя слегка склонить голову.

Внутри него между тем бушевала настоящая буря. Он ненавидел Чеботаря за публичный выговор, ненавидел собственную слабость, ненавидел необходимость стоять и выслушивать наставления человека, который по происхождению был несравненно ниже его. Но сильнее всего Пётр злился на самого себя. Потому что прекрасно понимал: командующий прав. Он действительно повёл людей в атаку, не дождавшись приказа. И если бы не вмешательство соседнего подразделения, его солдаты могли погибнуть практически все.

Гнев... Слово неожиданно всплыло в сознании.

Не о нём ли рассказывал дедушка? Не о том ли гневе, который всю жизнь мучил его самого и который он лишь к старости научился сдерживать?

Пётр вспомнил государя. Огромного, властного человека, способного одним взглядом заставить замолчать целый зал. И одновременно — доброго дедушку, который иногда усажи-

вал внука рядом с собой, рассказывал о войнах, кораблях, дальних странах и терпеливо объяснял, почему государь не имеет права руководствоваться одними чувствами. На жестокого правителя, убийцу отца Петра Алексеевича, но и доброго дедушку...

В минуты, когда Пётр общался со своим великим дедом, он видел перед собой совершенно другого человека, не похожего на грозного императора, которого боялась половина Европы.

Теперь же он вдруг испугался, что унаследовал именно ту черту характера, с которой деду пришлось бороться всю жизнь.

Пальцы продолжали дрожать, но наследник заставил себя разжать кулаки. Медленно вдохнул, затем выдохнул, стараясь успокоиться. Он не знал, радоваться ли тому, что способен испытывать такую ярость, или бояться её. Но сейчас сумел справиться. И это стало для него маленькой, почти незаметной победой над самим собой.

Чеботарь некоторое время смотрел на подростка, затем коротко кивнул.

— Возвращайтесь к своей роте, поручик. Проверьте людей, оружие и боеприпасы. И впредь без моего приказа не предпринимайте ничего, что могло бы поставить под угрозу жизнь ваших солдат.

— Слушаюсь, господин командующий, — ответил Пётр Алексеевич, вытянувшись по стойке смирно.

Он развернулся и направился к выходу. Уже возле двери на мгновение остановился, словно хотел что-то добавить, но передумал. Затем вышел, оставив Чеботаря и Суворова вдвоём. Некоторое время оба молчали, прислушиваясь к далёкому грохоту артиллерии.

— Вы слишком суровы с ним, Корней, — наконец произнёс Суворов, устало опускаясь на стул. — Всё же он ещё ребёнок.

— Вот именно, Василий Иванович, — ответил Чеботарь, подходя к окну. — Ребёнок. А вокруг него война, в которой гибнут взрослые мужчины. И если мы сейчас не научим его отвечать за собственные решения, потом будет поздно.

Суворов тяжело вздохнул, но спорить не стал.

***

Вильгельм будто бы сошёл с ума.

Король Пруссии Фридрих Вильгельм Первый, которого ещё при жизни прозвали Королём-солдатом, в последние недели изменился до неузнаваемости. Человек, прежде славившийся железной дисциплиной, бережливостью и почти болезненной любовью к армейскому порядку, теперь мог часами бродить по своему особняку в пригороде Праги, напевая какие-то старые солдатские песенки.

Иногда он внезапно требовал, чтобы сын сыграл ему на флейте, а когда Фридрих отказывался, воспринимая подобную просьбу как очередное унижение, король впадал в ярость. В ход шли оскорбления, пощёчины и затрещины, которыми монарх не стеснялся награждать собственного наследника даже в присутствии придворных.

Сын терпел, рыдал конечно, ибо не мог сдерживать слезы, но молчал. Принимал, как данность такое воспитание.

Фридриху было пятнадцать лет. Худощавый, бледный, с тонкими чертами лица и большими внимательными глазами, он совершенно не походил на того наследника, которого мечтал воспитать отец. Король желал видеть в сыне крепкого солдата, любящего строевую подготовку, охоту и армейские упражнения.

Сам же Фридрих предпочитал музыку, книги, философские беседы и французскую литературу. Он прекрасно играл на флейте, писал стихи, интересовался историей и с детства проявлял удивительные способности к языкам. Всё это вызывало у отца почти физическое раздражение.

Однако война неожиданно раскрыла в молодом наследнике качества, которых никто прежде не замечал. Фридрих обладал редким умением анализировать происходящее, быстро сопоставлять сведения и находить решения там, где опытные генералы видели лишь непреодолимые препятствия.

Именно он одним из первых понял, что русская тактика городского боя требует совершенно иного подхода к обороне и атаке. Молодой принц предложил разделить гарнизон на небольшие самостоятельные отряды, укрепить перекрёстки, создать запасные позиции внутри кварталов и использовать дома как взаимосвязанные опорные пункты.

Поначалу его предложения вызывали насмешки. Армия училась сражаться в поле. И все это – возня городская, была чужда прусскому военному духу.

Но когда несколько опытных офицеров попробовали применить предложения принца на практике, выяснилось, что русские атаки действительно стали захлёбываться. Тогда Фридрих лично подготовил подробные чертежи новых заграждений, указал численность гарнизонов отдельных домов, распределение стрелков и артиллерии.

В результате пруссакам удалось остановить русское наступление почти в центре города. И всё же отец продолжал относиться к нему с прежним презрением, словно не желая замечать очевидного.

В тот день король собрал военный совет в большом зале загородного особняка, превращённого в главную ставку прусской армии. На стенах висели старинные портреты бранденбургских курфюрстов, возле окон стояли тяжёлые кресла, а длинный стол был завален картами, донесениями и списками потерь. Воздух пах табаком, воском и свежими чернилами. Офицеры сидели молча, стараясь не привлекать к себе внимания, поскольку настроение монарха не предвещало ничего хорошего.

Более того, они и сами уже предпочли бы деятельного, не по годам разумного, может и гениального сына нынешнего короля. С Фридрихом все более часто, да так, чтобы не знал король, встречались генералы, которые, на самом деле, хотели разобраться и научиться.

Но такие Военные Советы, как собрал утром король, не нравились никому. Слишком много эмоции, пользы мало. Вот только на лицах генералов было невозможно считать их мысли и эмоции. Каждый – как изваяние, строгий, сосредоточенный и почти не шевелящийся.

— Если вы, господа генералы, не способны взять эту проклятую крепость, то на что вообще годитесь? — громыхал Фридрих Вильгельм, нервно постукивая каблуком по полу. — Я двадцать лет создавал армию, какой не было ни у одного германского государя! Кормил вас, одевал, вооружал, учил! А теперь какие-то русские держат вас за горло посреди Праги!

Он ударил ладонью по столу так сильно, что подпрыгнула чернильница. Несколько генералов невольно вздрогнули. Король тяжело дышал, лицо его побагровело, а глаза метали молнии. В такие минуты он совершенно не желал слышать доводы о численном превосходстве, потерях или сложности городских боёв. Ему требовалась победа, причём немедленно.

— Почему мы не выйдем из города и не обойдём его? — продолжал монарх, ткнув пальцем в карту. — Если вы не способны выбить русских из Праги, отчего не совершите стремительный марш на Вену? Австрийцы трусы, они не умеют воевать! Разобьём их, а русские сами побегут из города!

— Ваше величество, — осторожно произнёс Фридрих, сидевший неподалёку от отца, — австрийцы значительно усилили свои фланги. Пока русские удерживают Прагу, к ним подходят новые подкрепления. Если мы выведем из города значительные силы, неприятель немедленно воспользуется этим и ударит нам в тыл. Кроме того, на венском направлении уже созданы многочисленные укрепления. Нам придётся распылить войска, не добившись решающего преимущества ни на одном участке.

Король резко повернулся к сыну.

— Опять трусишь? — выкрикнул он, презрительно скривив губы. — Вечно ты находишь причины, почему нельзя наступать! Где же твоя прусская кровь? Где мужество Гогенцоллернов? Где предложения?

Фридрих побледнел ещё сильнее, но не отвёл взгляда. Может впервые он так стойко вел себя, показывая генералам, что не только плакать умеет, но и оставаться мужественным. Даже перед лицом самого главного своего страха и слабости своей – перед отцом.

Он давно привык к отцовским оскорблениям, однако сейчас, в присутствии генералов, унижение оказалось особенно болезненным. Молодой наследник стиснул зубы, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Он ненавидел себя за эту слабость, но ничего не мог поделать. Слишком много накопилось обид, слишком часто отец превращал его в посмешище перед людьми, чьё уважение Фридрих отчаянно стремился заслужить.

— Я говорю не о страхе, ваше величество, — ответил он, стараясь сохранить ровный голос. — Я говорю о военной необходимости. Если мы потеряем Прагу, то лишимся возможности удерживать всю эту область. И тогда русские действительно смогут двинуться дальше, угрожая уже нашим собственным владениям.

— Довольно! — рявкнул король, вскакивая с места. — Не смей поучать меня военному делу! Я командовал армиями, когда тебя ещё и на свете не было!

Он сделал шаг к сыну, и тот невольно отпрянул. В зале повисла тяжёлая тишина. Генералы старательно отводили глаза, делая вид, будто ничего не замечают. Никому не хотелось становиться свидетелем очередного семейного скандала, особенно в столь опасной обстановке.

— Ваше величество, — неожиданно вмешался генерал-лейтенант Курт Кристоф фон Шверин, один из наиболее опытных офицеров прусской армии. — Дозвольте доложить сведения, которые, полагаю, могут изменить положение дел.

Король остановился. Некоторое время он тяжело дышал, затем медленно повернулся к генералу.

— Говорите, Шверин, — произнёс он, с трудом подавляя раздражение. — Надеюсь, у вас найдётся нечто более полезное, нежели рассуждения моего сына.

Генерал поднялся. Это был высокий, сухощавый мужчина с суровым лицом и седыми волосами, тщательно убранными под парик. Он служил уже много лет, прекрасно знал европейские армии и пользовался заслуженным уважением среди офицеров. В отличие от многих придворных генералов, Шверин не боялся говорить неприятную правду, хотя сейчас явно подбирал слова с особенной осторожностью.

— Ваше величество, — начал он, положив на стол небольшой лист бумаги, — наши разведчики доставили сведения, которые до сих пор не были известны штабу. В Праге, среди русских войск, находится наследник престола Российской империи. Великий князь Пётр Алексеевич Романов.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Даже король на несколько мгновений перестал дышать. Он медленно опустился в кресло, затем вновь посмотрел на генерала, словно не вполне поверил услышанному. Фридрих тоже поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся напряжённым интересом. Молодой наследник прекрасно понимал, насколько опасным может оказаться подобное обстоятельство для русских.

— Вы уверены? — спросил Фридрих Вильгельм неожиданно тихо.

— Совершенно, ваше величество, — ответил Шверин. — Наши люди установили, что великий князь служит в одном из русских пехотных подразделений под видом обычного поручика. Более того, он непосредственно участвует в боях. Несколько дней назад его видели во время атаки на наши позиции.

Король медленно провёл ладонью по лицу. Затем на его губах появилась странная улыбка.

— Наследник... — повторил он задумчиво. — Внук русского императора. Здесь, в Праге. И воюет как простой офицер... Может так и нужно воспитывать своих детей? А, Фридрих? Пойдешь нужники копать для солдат?

Юноша промолчал.

Король и не ждал ответа. Он поднялся, подошёл к карте и некоторое время молча разглядывал обозначенные на ней русские позиции. Все присутствующие понимали, о чём сейчас размышляет монарх. Захват наследника мог оказаться куда более важным, чем победа в одном сражении. Пётр Алексеевич являлся будущим государем огромной державы, и его жизнь представляла собой ценность, которую трудно было измерить обычными политическими категориями.

— Лучше, разумеется, взять его живым, — наконец произнёс король, поворачиваясь к генералам. — Пленить мальчишку, доставить сюда и содержать с подобающим его положению уважением. А затем предложить русскому императору обмен. Его внук — в обмен на выход России из войны. Без русских Австрия не продержится и нескольких месяцев.

Фридрих резко поднял голову.

— Отец, — произнёс он, забыв о привычной осторожности, — подобная попытка может закончиться гибелью наследника. Если русские поймут, что мы охотимся именно за ним, они наверняка перебросят туда лучшие части. И тогда потери будут огромными. Более того, разве же это решит исход дела? У русского императора сейчас есть наследники и другие. Только обозлит. Нам же нужно и воевать и думать о мире. Что целесообразнеею.

Король посмотрел на сына с откровенным раздражением.

— Вот потому ты и не командуешь армией. Вот почему я буду рыдать умирая, понимая, что оставляю Пруссию слабаку и конформисту. Война должна заканчиваться миром только на наших условиях и неизменно с приростом новых земель, — бросил он презрительно. — Ты видишь лишь опасности, тогда как настоящий полководец должен видеть возможности. Шверин, поручаю вам подготовить операцию. Возьмите лучших офицеров, отберите надёжные батальоны. Не жалейте людей, если потребуется. Мне нужен русский наследник, живой или мёртвый. Хотя живой, разумеется, предпочтительнее.

Генерал слегка поклонился, но по его лицу было заметно, что приказ не доставил ему удовольствия. Он прекрасно понимал, насколько сложной окажется подобная задача. Русские уже научились оборонять захваченные кварталы, их стрелки обладали превосходным оружием, а артиллерия могла превратить любую атакующую колонну в кровавое месиво. Но приказ короля не обсуждался.

Фридрих молчал. Он смотрел на отца и чувствовал странное, почти болезненное недоумение. Впервые за долгое время перед ним открывалась возможность нанести противнику удар, способный изменить ход всей войны. И одновременно молодой наследник понимал, что речь идёт о мальчике, почти его ровеснике. О человеке, которого собственный дед отправил на войну, чтобы научить военному делу. Теперь же отец Фридриха собирался превратить этого мальчика в средство политического торга.

“А если бы на его месте оказался я?” – мысль возникла неожиданно и заставила принца похолодеть. – “Русские же обязательно попробуют сделать такой ответ. Спасали бы меня?”

Он посмотрел на короля, который уже оживлённо обсуждал со Швериным возможные направления атаки, и вдруг понял, что не знает ответа на собственный вопрос. Стал бы отец спасать его любой ценой? Или предпочёл бы пожертвовать сыном ради интересов Пруссии? Фридрих вспомнил многочисленные унижения, побои, презрительные слова, которые слышал с детства, и почувствовал, как внутри поднимается знакомая горечь.

Но сейчас он промолчал.

Потому что впервые за всё время войны ему стало по-настоящему страшно.

- Схватите мне этого принца русского! Не получится? Так убейте. Хоть какая-то плата за жизни моих возлюбленных солдат! - прокричал король.

Глава 5

Прага
16 июля 1727 год

— Что-то, ваше императорское высочество, слишком тихо сегодня ночью, — сказал капитан, подойдя к поручику Романову. – Неужели пруссаки устали. Может и уйти собираются?

Пётр Алексеевич до того наблюдал из-за баррикады за одной из улиц Праги, ведущей к Карлову мосту. Сейчас отвлекся, но даже не повернул голову. Он узнал голос. Не сказать, что испытал при этом положительные эмоции. Этот капитан откровенно раздражал.

А ночь действительно выдалась душной, но не только из-за того, что мог вот-вот начаться дождь, еще и было жарко от многих пожарищ, дымящихся до сих пор. Пахло гарью, а над крышами домов висела сизая дымка.

И все же наследник российского престола повернул голову и недовольно посмотрел на офицера.

— Я же просил вас, капитан, и на сей счёт имеется предписание, не называть меня по титулу, — строго ответил он. — Здесь я поручик Романов. И подчиняюсь вам.

— Прошу простить, ваше благородие, — капитан слегка склонил голову. — Но должен сказать, что для меня честь служить рядом с вами и видеть, что будущее России находится в надёжных руках. Вы можете рассчитывать на меня в любом деле, какое только сочтёте нужным. В любом...

Поручик окончательно повернулся к собеседнику, несколько секунд разглядывал его лицо, а затем неожиданно улыбнулся. В глазах мелькнуло самое настоящее мальчишеское озорство.

— Прямо-таки в любом? — спросил Пётр Алексеевич, чуть приподняв бровь.

— Прошу простить, кроме только заговора против вашего августейшего деда, — тут же поправился капитан, словно заранее приготовил этот ответ. – Но если вы...

Взгляд подростка мгновенно изменился. Улыбка исчезла, лицо сделалось суровым, а глаза приобрели то особенное выражение, которое придворные уже успели прозвать дедовским. Не потому, что наследник смотрел как старик, а потому, что примерно таким же тяжёлым взглядом обладал сам Пётр Великий.

— Я сейчас скажу вам не по уставу, капитан, — произнёс наследник, делая шаг ближе. — Но ведь это вы первым завели разговор, к службе отношения не имеющий. Если вы вообще могли подумать, будто я замышляю какую-либо крамолу против своего деда, то вы либо глупец, либо негодяй. Пошёл вон отсюда, капитан! Нынче дежурство моей роты!

Офицер побледнел, вытянулся и, щёлкнув каблуками, поспешил удалиться. Пётр Алексеевич ещё несколько секунд смотрел ему вслед, после чего раздражённо отвернулся к баррикаде. Он не заметил, как неприметный мужчина, стоявший чуть в стороне и слышавший весь разговор, удовлетворённо хмыкнул.

***

Капитан подошёл именно к нему, к незнакомцу. Имя не знал ни капитан, ни кто иной из людей, что были на версту от поста. Этот человек умудрялся даже здесь, среди русских мундиров, оставаться совершенно незаметным. Одетый в простое мещанское платье, среднего роста, с самым обыкновенным лицом, он ничем не привлекал внимания. Казалось, взгляду просто не за что было зацепиться.

— Ну что, теперь вы довольны? — зло спросил капитан, останавливаясь перед ним. — Достаточно я выставил себя дураком? И еще... Этот...

— Осторожнее капитан. Уже за “этот” я передумаю и сгною вас на каторге.

— Прошу простить. Все это мое недомогание... мне бы из города уйти. Не могу тут дышать.

— Наследник может, а ты... Скажем так, Василий Петрович, на первое время вполне достаточно этой службы, что вы сослужили, — ответил мужчина с едва заметной усмешкой. — Разумеется, ваши прежние преступления вам не прощаются. Но пока я сделаю вид, будто не располагаю сведениями о хищениях в особом отряде генерала Чеботаря. Будем считать, что вашей грязной руки там не было. И не будет боле. Но если вы мне понадобитесь, отказ не принимается.

Капитан хотел возразить, но собеседник поднял палец, не позволяя ему заговорить.

— Отныне вы будете под пристальным наблюдением. И потому малейшая оплошность, лишний медяк в вашем кармане — и последует неминуемое разжалование с отправкой в Америку. Надеюсь, Василий Петрович, мы поняли друг друга?

Капитан молча кивнул. Он был красен от злости, но прекрасно понимал, что спорить с представителем Тайной канцелярии не следует. Мужчина в мещанском платье больше ничего не сказал. Спокойно повернулся и, словно растворившись в тени ближайших зданий, отправился прочь. Теперь ему предстояло доложить начальству, что проверка наследника завершилась успешно.

***

Между тем Пётр Алексеевич оставался на посту, внимательно всматриваясь в дальний конец улицы. Её освещали факелы, укреплённые на специальных держателях. Они не позволяли неприятелю даже ночью приблизиться незамеченным. По установленному регламенту, если хотя бы один факел внезапно гас, следовало немедленно поднимать тревогу по роте и выяснять причину.

Пётр Алексеевич прежде даже не представлял, что армия может быть устроена подобным образом. Учили его многому, но отнюдь не всему, что он увидел здесь. И наследник был даже благодарен судьбе за то, что оказался в Праге, где русские люди ежедневно проявляли такое мужество, что иной раз он невольно испытывал неловкость за собственные прежние представления о воинской славе.

Душно было не только оттого, что парило перед дождём. Над городом стелился дым многочисленных пожаров, смешиваясь с запахом пороха, обгоревшего дерева и сырой штукатурки. Прага не выгорела полностью, но отдельные кварталы пострадали страшно. Иногда солдатам приходилось бросать работу на укреплениях и тушить дома, в которые попадали неприятельские снаряды.

Где-то далеко грохнула пушка, отчего Пётр Алексеевич невольно усмехнулся. Тишина, установившаяся минут на десять, была настолько непривычной для города, что уже начинала казаться подозрительной. Теперь же, когда вновь раздался взрыв, всё словно вернулось на круги своя.

— Чего стоим, рты разинули? — строго спросил прапорщик Романов, оборачиваясь к солдатам. — А ну, за работу! Передохнули — и довольно!

Егеря нехотя поднимались с каменной мостовой. Кто-то успел задремать, прислонившись к стене, кто-то устроился прямо на мешках с землёй. Люди устали не только от боёв, но и от постоянных строительных работ. Приходилось укреплять баррикады, перетаскивать камни, восстанавливать разрушенные позиции, а затем вновь браться за оружие.

Пётр Алексеевич прекрасно понимал, что в его роте находятся не только обычные егеря. По меньшей мере два десятка человек были хорошо обученными телохранителями, которым приказали ничем не выдавать себя, но постоянно следить за безопасностью наследника. Сам он делал вид, что ничего не замечает. Впрочем, даже подобная охрана не могла гарантировать безопасность в условиях тяжёлых городских боёв.

— Разведка, что видно? — окликнул наследник наблюдателей, расположившихся на крышах.

— Пока ничего, ваше благородие! — донеслось сверху. — На неприятельской стороне тихо!

— Смотреть внимательно, — приказал Романов. — Особенно за перекрёстком.

Передышка была не только у солдат, измученных боевой работой. Казалось, весь город на некоторое время затаил дыхание. Пушки гремели всё реже, перестрелка почти прекратилась, и даже пожары уже не так ярко освещали ночное небо. Словно что-то особенное замышлялось по ту сторону фронта.

***

— А ну стой! — резко рявкнул Корней Чеботарь.

Он схватил за ворот того самого неприметного человека, который совсем недавно беседовал с капитаном. Однако незнакомец оказался не столь прост. Удивительно ловко вывернувшись из захвата, мужчина попытался убежать, но Корней резко вскинул ногу и ударил его в спину. Тот споткнулся, и уже через мгновение генерал навалился на него, заломив руки так, что незнакомец оказался на коленях, прижимаясь щекой к мостовой.

— Кто такой? Что здесь делаешь? — потребовал Чеботарь, усиливая захват. — Почему крутишься возле наследника российского престола? Кто тебя туда допустил?

— Особое поручение! Тайная канцелярия! — прохрипел мужчина, пытаясь повернуть голову.

— Какая ты, к лешему, Тайная канцелярия? — зло переспросил генерал. — Думаешь, назвался — и я тебя отпущу?

— Винтовальный нарез! — тут же выпалил агент.

Корней замер. Несколько секунд он продолжал удерживать незнакомца, затем с явным разочарованием начал разжимать захват. Условные слова были ему известны. Они подтверждали, что человек действительно действовал по распоряжению Тайной канцелярии, и даже Чеботарь, личный друг Петра Великого, не мог без особой причины препятствовать исполнению подобных поручений.

— Дела свои сделал? — спросил генерал, позволяя мужчине подняться.

— Так точно, ваше превосходительство. Разрешите идти?

Корней только махнул рукой. Агент поправил ворот, стряхнул грязь с рукава и поспешил удалиться. Генерал некоторое время смотрел ему вслед, после чего повернулся к улице, где несла службу рота наследника.

Чеботарь и сам нередко наблюдал за Петром Алексеевичем. Причём никто особенно не требовал от него подобного усердия. Разве что государь в одном из писем просил немного приглядывать за внуком. Но Корней воспринял просьбу серьёзно, поскольку и сам желал понять, достоин ли молодой человек своего великого предка, ныне живущего и создающего величие России.

После стольких лет службы Петру Великому Чеботарь прекрасно понимал, что служить кому попало уже не сможет. Он слишком хорошо знал, какой ценой создаётся сильное государство, сколько крови и труда стоит каждый шаг вперёд. И потому внимательно присматривался к будущему правителю.

Пока мальчишка ему нравился. Службу нёс исправно, солдатами интересовался, трудностей не избегал. В бой, правда, стремился при каждом удобном случае, но тут Корней только усмехался. Молодость, горячая кровь. Да и от деда, пожалуй, досталась эта неусидчивость.

***

Наладив работу, Пётр Алексеевич зашёл в соседний дом, частично разрушенный неприятельским огнём. Здесь устроили нечто вроде дежурного помещения: на втором этаже отдыхали офицеры, на первом — солдаты. Когда-то дом принадлежал богатому пражскому купцу,

о чём до сих пор свидетельствовали просторные комнаты, лепнина и дорогая мебель. Теперь окна были выбиты, стены местами изрешечены пулями, а на лестнице лежала осыпавшаяся штукатурка.

На столе стояла открытая банка тушёнки, которую он так и не доел в обед. Однако аппетита совершенно не было. Перед глазами продолжала возникать сцена, когда генерал Чеботарь отчитал его перед другими офицерами. Унизительная сцена, но её следовало как-то осознать и принять.

Правильно ли всё было сказано?

Пётр Алексеевич опустился на мягкий стул и посмотрел в окно, от которого остался только проём без стекла. Мебель здесь была настолько хороша, что вполне могла бы стоять даже в Зимнем дворце. И солдатам достались прекрасные кушетки, хотя теперь на них сушили шинели и складывали снаряжение.

Наследник вновь взглянул на улицу. Внизу виднелись обломки телеги, разбитые бочки, камни и остатки баррикады. Когда неприятель в последний раз пытался прорваться, пришлось подрывать фугасы. Взрывы остановили пруссаков, но ближайшие дома теперь можно было считать почти непригодными для жизни.

— Отстроим, — пробормотал Пётр Алексеевич, с силой сжимая кулаки. — За их деньги и отстроим. Главное, чтобы поняли: город выстоял благодаря русскому духу и русскому оружию.

Чуть дальше, за перекрёстком, начиналась небольшая серая зона — по сути, ничейная территория. А ещё примерно через двести метров находились дома, временно занятые пруссаками. Там изредка мелькали огни, слышались голоса, но сегодня неприятель вёл себя необычайно тихо.

Именно тишина и пугала.

Слова командующего продолжали звучать в ушах наследника. Он никак не мог успокоиться и даже малодушно поглядывал на шкаф, где хранились несколько бутылок вина. Нет, офицеры не злоупотребляли спиртным, но иногда оно требовалось, чтобы успокоить солдата после тяжёлого боя или обработать рану, если под рукой не оказывалось другого средства.

Вот опять же медицинская служба...

Пётр Алексеевич прекрасно знал, что подобной организации помощи раненым нет ни в одной неприятельской армии. Относительно небольшие, по сравнению с противником, потери объяснялись в том числе и установленным регламентом: не позднее сорока минут после ранения боец должен был попасть к медицинскому работнику. Первую же помощь оказывали прямо на месте. Для этого в каждой роте имелось не менее четырёх человек, прошедших специальное обучение.

— Я, конечно, допустил ошибку, но со мной так разговаривать нельзя, — зло прошипел Пётр Алексеевич, чувствуя, как вновь поднимается гнев.

Он готов был рвать и метать. Если бы сейчас рядом оказался Чеботарь, мальчишка, пусть и старавшийся уже быть мужчиной, наверняка высказал бы генералу всё, что о нём думает. А то и отвесил пощёчину. Правда, наследник прекрасно понимал, что подобного делать нельзя. И не только потому, что Корней был старше и заслуженнее. Просто генерал был прав, а признать это оказалось куда труднее, чем хотелось.

Вдох, выдох...

Дедушка объяснял, что именно следует делать, когда гнев начинает брать верх над разумом. Пётр Алексеевич повторил упражнение несколько раз, затем поднялся и подошёл к оконному проёму.

Внизу находились его бойцы.

Вот Игнат, парень из-под Новгорода, смышлёный, ловкий и удивительно находчивый. Пётр Алексеевич много слышал от деда о его юных годах, о проказах и приключениях Алек-

сандра Меншикова. И теперь ему казалось, что Игнат чем-то похож на молодого Меншикова. Такой же неугомонный, вечно готовый что-нибудь придумать, а потом выкручиваться из последствий собственной затеи.

А вот пожилой унтер-офицер. По меркам особой егерской роты Преображенского полка, по тем показателям выучки и физической формы, он был почти стариком и уже не обладал нужной подготовкой, которая требовалась от остальных. Зато опыта и житейской мудрости у него хватило бы на троих. Для молодых новобранцев он стал чем-то вроде отца.

Наследник особенно гордился тем, что в его роте не было и признаков злой дедовщины. Нравоучения случались, иногда и подзатыльник, но унижать солдата только потому, что тот прибыл на службу позднее остальных, никто не смел.

А вот Матвей.

В последнем бою он получил серьёзные ранения и вполне мог быть отправлен из города в тыловой госпиталь. Но когда ему объявили, что война для него заканчивается, солдат устроил такую истерику, что даже санитары растерялись. И теперь, словно назло всем, Матвей поправлялся с удивительной быстротой, хотя рука и голова оставались перевязанными.

Медик, осматривавший его сегодня утром, заявил, что подобная живучесть встречается разве что у дворовых псов. Матвей счёл сравнение похвалой и весь день ходил довольный.

Люди... Наследник относился к ним, не как к вещи, которую может правитель использовать, а как к людям, для блага которых и живет государь.

Время шло. Пушки уже почти не грохотали, солдаты закончили работы и получили возможность отдохнуть. Кто-то расположился в нижних комнатах, кто-то устроился прямо на лестнице или возле баррикад. Места в доме не хватало на всю роту, особенно с учётом усиленного караула, куда одновременно заступали два десятка человек.

Четыре утра.

Пётр Алексеевич поднял руку и посмотрел на часы. Наручные, такие же, как у деда. Насколько наследник знал, больше ни у кого подобного устройства пока не имелось. Возможно, он ошибался, но всё равно испытывал гордость оттого, что мог в любой момент узнать точное время.

Молодой человек вновь опустился на стул. Сон постепенно брал своё, голова начала клониться к груди, мысли путались. Он уже почти задремал, когда вдруг услышал странный скрип.

Пётр Алексеевич мгновенно открыл глаза.

Звук был необычным. Словно что-то тяжёлое медленно протащили по каменной мостовой. Наследник вскочил и бросился к окну, едва не вывалившись наружу в попытке рассмотреть плохо освещённую улицу.

В темноте почти ничего не было видно. Факелы горели, часовые стояли на местах, между домами лежали густые тени. Ничего подозрительного. В какой-то момент Пётр Алексеевич даже подумал, что ему показалось. Усталость, бессонные ночи, нервы, от которых, как любил говорить дед, все болезни, кроме срамных.

Но скрип повторился.

И теперь наследник совершенно отчётливо понял, что звук доносится со стороны неприятельских позиций.

***

Пётр Алексеевич не знал, да и не мог знать, что Корней Чеботарь вместе с пятью ближайшими охранниками находился совсем неподалёку. Генерал умел прятаться не хуже того самого агента Тайной канцелярии и теперь незаметно наблюдал за наследником.

Самого скрипа Корней не услышал.

Зато заметил, как Пётр Алексеевич едва не вывалился из окна, всматриваясь в ночную темноту. Чеботарь сразу насторожился. Он достаточно хорошо знал молодого Романова, чтобы понять: просто так тот не стал бы бросаться к оконному проёму.

— Лука, — обратился генерал к одному из своих приближённых, сербу, служившему с ним уже много лет. — Подними остальных. И пошли кого-нибудь к воздухоплавателям. Пусть немедленно готовят воздушный шар.

Серб, до того полулежавший на старом диване, мгновенно поднялся.

— Генерал, ты что-то увидел? — спросил он, застёгивая ремень.

— Нет, — ответил Корней, продолжая смотреть на соседний дом.

— Тогда услышал?

— И не услышал.

— Так что же?

— Чую, — совершенно серьёзно произнёс Чеботарь.

Этого оказалось достаточно. За годы войн у генерала развилось особое чутьё. Не колдовство, разумеется, а нечто такое, что трудно объяснить словами. Иногда глаз ещё ничего не замечал, ухо не улавливало подозрительных звуков, но мозг уже складывал едва различимые признаки в тревожную картину. И тогда Корней понимал: рядом опасность.

Слишком часто он оказывался прав, чтобы Лука позволил себе усомниться.

— Сделаю, — коротко ответил серб и поспешил к двери.

Чеботарь тем временем поднял остальных четверых. Люди быстро проверили оружие и последовали за генералом. Они двигались почти бесшумно, хотя никто специально не старался красться. Просто многолетняя привычка заставляла выбирать место для каждого шага и не задевать снаряжением стены.

Корней первым спустился по лестнице и направился к ближайшей баррикаде, туда, где несла службу рота поручика Романова.

***

Наследник российского престола не сбежал по лестнице — буквально слетел с неё. Перепрыгивая через две ступеньки, он едва не столкнулся с солдатом, который спал, прислонившись к стене. Тот спросонья выругался, послав неизвестного торопыгу к чёрту, и только потом разглядел, кого именно удостоил столь лестного пожелания.

— Ваше благородие! — испуганно выдохнул солдат, вскакивая.

— Спи, — бросил Романов, даже не обернувшись. — Только уши не закладывай!

Он выскочил на улицу, чуть не споткнулся о лежавший возле порога камень и быстро направился к баррикаде. Сон исчез совершенно. Вместе с ним куда-то пропал и гнев на Чеботаря. Теперь наследник чувствовал только холодную, неприятную тревогу, от которой обострялись слух и зрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.